

УДК 82.14

*Д.А. Маслеева***«ТОМУ, О КОМ ЧИТАЮ...»: ПОЭТ И ЧИТАТЕЛЬ В СТИХОТВОРЕНИЯХ
Б. АХМАДУЛИНОЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ**

Статья посвящена образу Осипа Манделъштама в лирике Б. Ахмадулиной. Сделан вывод о том, что портретные черты поэта не отражены в анализируемых ахмадулинских стихотворениях: напротив, акцентируется бестелесность его облика, что проецируется на образ лирического «я» ранней манделъштамовской поэзии. Манделъштам воспринят лирической героиней, прежде всего, в его взаимоотношении со временем и властью: как Художник, чье слово противостоит тоталитарной эпохе. Вместе с тем Манделъштам явлен как близкий лирической героине по духу поэт, в качестве конгениального читателя которого она воплощается и чей сложный метафорический язык усваивает. Лирической героине принадлежит роль хранителя памяти о Поэте. Кроме того, ее связывает с Манделъштамом духовно родственное поэтам пространство – Тифлис.

Ключевые слова: Б. Ахмадулина, О. Манделъштам, лирическая героиня, автор, читатель, образ поэта, традиция, художественное пространство.

О категории читателей, к которым принадлежит Белла Ахмадулина, С. Аверинцев писал: «Во второй половине 50-х, едва спустил страх, списки манделъштамовских стихов начинают расходиться по рукам, поначалу в сравнительно узком кругу, служа словно заветным паролем для тех, кто хранил память культуры. Но вот оказывается, что слух новых, вступающих в жизнь поколений от рождения подготовлен к музыке этих стихов, настроен на нее. Что акустика времени заставляет эту музыку звучать все громче, все яснее. Что у поэта все больше, как сказал бы он сам, «провиденциальных собеседников», действительно, всерьез живущих его стихами. Для многих манделъштамовская поэзия становится формирующим, воспитующим переживанием» [2. С. 63].

Аверинцев вспоминает строки Манделъштама из его статьи «О собеседнике»: «Мореплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы. Спустя долгие годы, скитаясь по дюнам, я нахожу ее в песке, прочитываю письмо, узнаю дату события, последнюю волю погибшего. Я вправе был сделать это. Я не распечатал чужого письмо. Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат» [4. С. 146-147]. Это высказывание может послужить эпиграфом к настоящей статье.

Близкое соприкосновение Беллы Ахмадулиной с Осипом Манделъштамом, восприятие судьбы поэта как живого явления, не только через документальные свидетельства разного рода, во многом оказалось возможным благодаря тесному общению с Надеждой Яковлевной Манделъштам. Ахмадулина приняла самое непосредственное участие в закатном периоде жизни вдовы поэта.

В трех посвященных Манделъштаму стихотворениях «В том времени, где и злодей –...» (1967), «То снился он тебе, а ныне ты – ему...» (1978), «Ларец и ключ» (1988) ощущается острота чувства духовной близости с поэтом. Обращение к данным текстам позволило определить, как проявлен в поэтическом пространстве Ахмадулиной Манделъштам и как воплощена лирическая героиня в качестве его читателя.

Если в ахмадулинских «портретах» Цветаевой и Ахматовой мы обнаруживаем некоторые реальные черты поэтов (хотя в целом образы онтологичны), то детали портрета Манделъштама в лирике Ахмадулиной практически не отражены. В стихотворении «В том времени, где и злодей –...» акцентируется, бестелесность поэта, хрупкость его силуэта: «Вступленье: ломкий силуэт, // повинный в грациозном форсе. // Начало века. Младость лет. // Сырое лето в Гельсингфорсе» [1. С. 96]. Неким символом Серебряного века становится у Ахмадулиной «ломкий» манделъштамовский силуэт (вспомним, например, силуэтные портреты поэтов-современников, созданные Е.С. Кругликовой): «силуэты» – то, что сохранилось от эпохи. Такой образ поэта отсылает не только к художественным работам Кругликовой, но и к поэзии самого Манделъштама («Немного красного вина, // Немного солнечного мая – // И, тоненький бисквит ломая, // Тончайших пальцев белизна» [3. С. 69]), и проецируется на образ лирического «я» ранней манделъштамовской лирики, сравнивающего себя с тростинкой, соломинкой, раковинкой. Портретные черты Манделъштама не отображены и в двух других стихотворениях «То снился он тебе, а ныне ты – ему...», «Ларец и ключ», но в последнем запечатлен идеальный портрет Поэта: «Строй горла ярко наг и выдан пульсом пеня // и высоко над ним – лба над-седьмая пядь»

[1. С. 343]. Одна характерная внешняя черта Мандельштама, опозитивированная Цветаевой, передана здесь через почти дословную цветаевскую цитату: «с добычей меж ресниц, которых нет длинней» (Там же) (вспоминается в этом контексте «заресничная страна» Мандельштама).

Отдельные факты биографии Мандельштама хронологически воспроизведены в стихотворении «В том времени, где и злодей –...», где раскрывается тема взаимоотношений Поэта и рокового времени («века») и связанная с ней тема Поэта и власти: «Но век желает пировать! // Измученный, он ждет предлога – // и Петербургу Петроград // оставит лишь предсмертье Блока» [1. С. 96]. Время в данном случае является не просто категорией – оно антропоморфизуется, приобретает трагические очертания. И если «начало века», совпавшее с «младостью лет» поэта, казалось бы, не заключает в себе угрозы для человека, то постепенно опасность, исходящая от века (слово «век» трижды называется в стихотворении), нарастает. При этом уже в I строфе стихотворения появляется образ «злодея» – Сталина.

Обратим внимание на функционирующие в цитируемой строфе топонимы: в «Петроград» город был переименован в 1914 г. Петербургу, действительно, достается «предсмертье» Блока, смерть которого произойдет в 1921 г. уже в ином по своей сути пространстве – в Петрограде. Смерть эта ознаменует собой финал Серебряного века и вместе с тем города, где вершилась «серебряновечная» культура.

Наступление «не календарного – Настоящего Двадцатого Века» усугубляет априорный трагизм судьбы поэта:

Знал и сказал, что будет знак
и век падёт ему на плечи.
Что может он? Он нищ и наг
пред чудом им свершенной речи [1. С. 96].

Аллюзия на трагически известные строки Мандельштама здесь очевидна. «Мандельштамовские прозрения о веке – “звере” припоминаются как свидетельства о воплощенной в слове стихийной творческой силе, которая "опережает" рефлексию художника и предвосхищает его биографию» [4].

Лирическая героиня подчеркивает предопределенную незащищенность поэта перед властью и временем, его безытийность: «...хрупок иудей», «ломкий силуэт». Мандельштам беззащитен перед роковой эпохой, лишившей его всего:

Гортань, затеявшая речь
неслыханную, – так открыта.
Довольно, чтоб ее пресечь,
и меньшего усердья быта.

Ему – особенный почет,
двойное злорадство неба:
певец, снабженный кляпом в рот,
и лакомка, лишенный хлеба [1. С. 97].

Поэт, как указано выше, не воплощается в портрете, фактически он бестелесен, но при этом «**грозно** хрупок», наполнен «Русью и музыкой», в чем заключается его превосходство над временем тирана. По Ахмадулиной, противостоящее веку слово Поэта превышает его самого: «... Он нищ и наг // пред чудом им свершенной речи» [1. С. 96]. Иррациональное поэтическое начало («речь неслыханная») превосходит человеческую природу, и потому насильственное молчание оказывается страшнее всех возможных утрат.

Мандельштам воплощен как поэт, находящийся в оппозиции к власти, и в стихотворении «Ларец и ключ»: в нем власть персонифицирована в образе воронежского памятника Петру, уподобленного пушкинскому Медному всаднику. Памятник оживает, вступает в конфликт с опальным поэтом:

«Эй, с якорем!» – шутил опалы завсегда.
Не следует дерзить чугунным и стальным.
Что вспылчивый изгой был лишнею загадкой,
с усмешкой небольшой приметил властелин [1. С. 343].

Тема отношений поэта и власти раскрывается в строчках, перекликающихся с поэзией самого Мандельштама («Век», «За гремучую доблесть грядущих веков...»): «Где хруст и лязг возьмут умения и терпенья, / чтоб дланью не схватить и не защелкнуть пасть?» [1. С. 343]. Через наименование «пасть» в текст включается чужое слово, отражающее позицию власти, государства. «Властелину», кроме того, принадлежит сапог, несущий угрозу для поэта и поэзии: «Сапог – всегда сосед священного сосуда» (Там же) (ср. у Мандельштама: «И сияют его голенища»).

Мандельштам представлен в художественном пространстве Ахмадулиной через факты судьбы. В стихотворении «Ларец и ключ» в качестве такового имплицитно упомянута воронежская ссылка: «Поправший Кутаис, в строку вступил Воронеж» [1. С. 343]. Трагическая составляющая в судьбе Мандельштама для лирической героини оказывается превалирующей (Воронеж **попрал** Кутаис). К трагедии поэта, уничтоженного эпохой, Ахмадулина обращается и в хронологически первом из рассматриваемых текстов («В том времени, где и злодей –...»): в нем лирическая героиня «воскрешает» Мандельштама, пряча его в пространстве собственной памяти: «В моем кошмаре, в том раю, // где жив он, где его я прячу, // он сыт! А я его кормлю // огромной сладостью. И плачу» [1. С. 97].

В стихотворении «То снился он тебе, а ныне ты – ему...», предваренном эпиграфом из Мандельштама («Мне Тифлис горбатый снится...»), аналогичной функцией хранителя памяти о Поэте, помимо лирической героини, наделен Тифлис. В Тифлисе продолжается жизнь Мандельштама, ставшая сном города: «То снился он тебе, а ныне – ты ему. // И жизнь твоя теперь – Тифлиса сновиденье. // Поскольку город сей непостижим уму, // он нам при жизни дан в посмертные владенья» [1. С. 175]. Поэт навсегда принадлежит Тифлису, как Тифлис при жизни и посмертно принадлежит ему. Происходит некое взаимопроникновение двух иррациональных сущностей: «...город над Курой – всё милосердней твоей, // ты в нем не меньше есть, чем был во время оно» (Там же). Тифлис, кроме того, роднит Мандельштама и лирическую героиню, которая тоже находится в этом культурно-поэтическом пространстве и вдохновлена им. В данном стихотворении дистанция между поэтами предельно сокращена. На субъектном уровне это выражено в появлении местоимения «ты» (лирическая героиня – Мандельштам / я – ты), сменившего местоимение «он», фигурирующее в более раннем тексте.

Мандельштам изображен в текстах Ахмадулиной не только как ссыльный воронежский житель и противостоящий власти поэт, но и как Художник, создающий тайну поэзии. О восприятии лирической героиней Мандельштама как человека, принадлежащего искусству, а его творчества как тайны заявлено уже в первой строфе стихотворения «Ларец и ключ»:

Когда бы этот день – тому, о ком читаю:
де, ключ он подарил от... скажем, от ларца
открытого... свою так оберег он тайну,
как если бы ловил и окликал ловца [1. С. 342].

Соотнесенные между собой заглавные образы тайны, ларца («священного сосуда») и ключа возникают в стихотворении не единожды, становясь смыслообразующими: «Но всё, что обречем, куда мы денем? Скажем: // в ларец. А ключ? А ключ лежит воды на дне» [1. С. 344]. Тайна и ларец, который «просто открывался», у Ахмадулиной традиционно выступают синонимами поэзии.

Тайна поэзии Мандельштама, действительный ключ к ее разгадке раскрывается лирической героине как конгениальному читателю. Ей противопоставлен в одном из текстов («Ларец и ключ») герой – воронежский «писатель», не обладающий ни поэтическим даром, ни читательским дарованием, не способный ощутить присутствие Мандельштама в мире, заметить «мандельштамовские» знаки. Лирическая героиня прочитывает эти знаки всюду, помня об одухотворяющем мир присутствии Поэта. Художественное пространство Ахмадулиной насыщено образами мандельштамовской поэзии. В стихотворении «То снился он тебе, а ныне ты – ему...» Осип Мандельштам входит через цитату, служащую эпиграфом к тексту, грузинскую тему, поэтический образ Тифлиса, в «Ларец и ключ» – через образы, почерпнутые из поэзии Мандельштама: соты, улей, пчелы, оса: «То, что ларцом зову (он обречён покраже), // И ульем быть могло для слёта розных крыл» [1. С. 343]. Мандельштамовские образы предельно лично воспринимаются лирической героиней, соотносясь с поэтом: «И всё это – с моей последнею сиренью, // с осой, что и так принадлежит ему» [1. С. 344].

Известна посмертная судьба Мандельштама: само имя поэта стирается, уничтожается после его гибели («Так значит, пребывать творцом, // за спиной заломившим руки, // и **безымянным мертвецом** //

все ж недостаточно для муки?» [1. С. 97]). «Несколько человек хранили его неопубликованные стихи, пряча и перепрыгивая списки, вытверживая текст наизусть, ревниво проверяя свою память» [2. С. 62].

Роль хранителя памяти о Мандельштаме, идеального читателя принадлежит лирической героине Беллы Ахмадулиной, нашедшей «письмо, запечатанное в бутылке», и укрывающей поэта в особом надмирном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмадулина Б.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.
2. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1990. Т. I. С. 5-64.
3. Мандельштам О. Сочинения в двух томах. Том I. М.: Художественная литература, 1990.
4. Мандельштам О. Сочинения в двух томах. Том II. М.: Художественная литература, 1990.
5. Ничипоров И.Б. Образы поэтов в стихотворениях Б. Ахмадулиной. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45972.php>.

Поступила в редакцию 15.04.15

D.A. Masleeva

“TO THE ONE I READ ABOUT...”: THE POET AND THE READER IN AKHMADULINA’S POEMS DEDICATED TO OSIP MANDELSTAM

The article deals with the image of Osip Mandelstam in B. Akhmadulina’s lyrics. The author concludes that the poet’s portraiture features are not reflected in the analyzed Akhmadulina’s poems: on the contrary, the immateriality of his personality is emphasized and projected onto the image of lyrical “self” of the early Mandelstam’s poetry. The lyrical heroine perceives Mandelstam in his relationship with time and authority: as the Artist, whose word is opposed to the totalitarian era. At the same time, Mandelstam is close to the lyrical heroine in spirit, as the congenial reader that she is embodied and whose complex metaphorical language learns. The role of the guardian of the poet’s memory belongs to the lyrical heroine. In addition, she is connected with Mandelstam through spiritually akin to poets’ space – Tbilisi.

Keywords: B. Akhmadulina, O. Mandelstam, lyrical heroine, author, reader, image of the poet, tradition, art space.

Маслеева Дария Алексеевна, соискатель
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: DashaMasleeva@mail.ru

Masleeva D.A., applicant
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2
E-mail: DashaMasleeva@mail.ru